

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 39+316

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.162-172

КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В XXI ВЕКЕ: ПОТРЕБНОСТЬ, ТРАДИЦИЯ, КОНСТРУКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В.Е. Козлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье концептуализированы особенности институциональных форм этносоциальной повседневности современного русского населения Республики Татарстан. В соответствии с авторской типологией охарактеризованы базовые институты культуры: этничность, религиозная идентичность, семья, этнокультурные практики. Проанализированы их роль и значение в различных социальных группах русских. Теоретическая рамка исследования основана на полипарадигмальном подходе и опирается на ряд известных социогуманитарных теорий (функциональную, феноменологическую и социальный конструктивизм). В качестве источника данных для проведенного анализа выступили материалы комплексного исследования «Социальное самочувствие и этнокультурные потребности русского населения Республики Татарстан», осуществленного осенью 2022 г. Сделан вывод о том, что традиционные институты культуры в настоящее время имеют различную степень востребованности у представителей русского населения Татарстана и могут быть маркированы как «потребность», «традиция» или «конструкт» в зависимости от их роли и ценности в среде изучаемой группы. Отмечается возрастающая роль городского пространства в конструировании этнической «традиции», особенно среди молодежи.

Ключевые слова: институт культуры, социальный институт, потребность, этничность, религиозная идентичность, традиция, инкультурация, конструкт

Понятие «институт» (культурный или социальный) вошло в методологический аппарат антропологии в первые десятилетия XX в. благодаря Б. Малиновскому [1] и до сих пор не потеряло своей эвристической ценности, несмотря на многочисленную критическую литературу, посвященную его теоретическому наследию [2]. По нашему мнению, данный факт обусловлен сохранением фундаментальных структур, необходимых для существования социальных общностей, несмотря на все более очевидные попытки заменить или *трансформировать* подобные структуры до потери ими исходной сущности [3]. Поэтому такие институты культуры, как семья и брак, религия, язык, находясь в течение последних десятилетий под серьезным давлением глобализации и урбанизации, сохраняют свою практическую и символическую ценность для большинства народов. Важным методологическим преимуществом понятия «институт» является его мультимодальность, то есть способность передавать обобщенный смысл как при

использовании нескольких теоретических концептов в рамках одного исследования, так и в случае описания различных элементов одного объекта, например этнической группы. В анализе, представленном в настоящей статье, был использован полипарадигмальный принцип, предполагающий сочетание ряда теоретических подходов, в частности функционального [4], феноменологического [5] и социоконструктивистского [6].

В качестве объекта исследования выступает этническая группа русских, проживающих на территории Республики Татарстан. Предметом анализа стали социокультурные практики современного русского населения, рассмотренные с позиции их сущностных оснований. Для типологизации мотивирующих факторов автор использовал общепринятые в антропологии понятия: потребность, традицию, конструкт. Прежде чем приступить к описанию полученных результатов, необходимо определить содержание и контекст, в которых использовались указанные выше понятия. Под «потребностью» основоположник функционального направления в антропологии Б. Малиновский понимал фундирующие основания человеческой жизнедеятельности, которые находят свою реализацию в виде культуры в общем смысле, то есть как совокупность результатов деятельности и социальных отношений в любом сообществе. Таким образом, потребность выступает в качестве основания для индивидуального и группового существования, обладая при этом как рациональной (то есть когнитивной), так и иррациональной формой. В настоящем исследовании под «потребностью» автор понимает осознанное, то есть декларируемое, или неосознанное, но выраженное в эмоционально-окрашенной форме стремление человека поддерживать социальные практики, которые идентифицируются им как этнокультурные. К таковым мы относим языковые, религиозные, брачно-семейные и собственно культурные. «Традиция» в нашем исследовании рассматривается как фреймирующая структура, в отличие от потребности не обладающая эксплицитной формой, но при этом институализирующая рутинную индивидуальную и групповую деятельность. Наконец, понятие «конструкт» используется нами для обозначения таких явлений, которые не имеют институализирующей функции для большинства представителей этнической группы, но наделены соответствующими маркирующими атрибутами (стереотипность, массовость). В ходе анализа использовались данные массового опроса, глубинных интервью и фокус-групп, проведенных с представителями русского населения республики в октябре–декабре 2022 г.

Предваряя анализ значимости отдельных институтов культуры в жизни русских Татарстана, согласно описанной выше типологии, стоит отметить следующее: менее половины всех респондентов согласились с тем, что в наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности, в то время как 20 % выразили несогласие с приведенным тезисом, а около трети затруднились с ответом. В возрастной группе «18–30 лет» несогласившихся было почти 26 %, а затруднившихся с выбором ответа – более 37 %. Тенденция к снижению выраженности этнической идентификации в общей структуре социальных идентичностей подтвердилась результатами ответов на вопрос, кем в большей мере ощущают себя респонденты. Так, вариант «русским» набрал около 26 % от общего количества полученных ответов, ненамного «опередив» вариант «мужчиной/женщиной» – почти 24 %, далее следовали вариан-

ты «гражданином России (россиянином)» – 16.2 % и «жителем Татарстана (татарстанцем)» – 11.5 %. В возрастной группе молодежи «18–30 лет» половая атрибуция даже незначительно превысила этническую, составив около 24 %. Согласно материалам глубинных интервью, респонденты в большинстве случаев испытывают гордость от ощущения своей русской этничности. Из интервью: *«Респондент: У меня есть только чувство гордости, никогда никакого сожаления нет. Я ощущаю себя русской. Когда училась в консерватории в Санкт-Петербурге, я дала себе такой профессиональный завет, хотя была возможность остаться там, что я приеду сюда и запишу песню и вообще материал по своей родине, и это я осуществила»* (женщина, 51 год, г. Казань). Кроме того, этническая принадлежность по-прежнему выступает достаточно четким индикатором для жителей сельской местности. Из интервью: *«Интервьюер: По вашему мнению, русские Татарстана задумываются о том, что они русские? Насколько быть русскими для них значимо? Респондент: Вообще, нужно сказать в целом о каждом народе и о русском в том числе, что если говорить об этнической составляющей (что мы понимаем – как действительная идентичность), то она ярче выражается, на мой взгляд, в сельской местности»* (женщина, 64 года, г. Казань).

Таким образом, можно предположить, что этническая идентичность по-прежнему обладает легитимностью традиции, но все меньше выступает как потребность, особенно в среде молодежи. Для обозначенной возрастной группы, как показали материалы фокус-групп, характерным является в большей степени акцент на гражданской идентичности, а не этнической.

Одним из основополагающих культурных институтов традиционно является язык. В ходе исследования участникам был предложен ряд вопросов, отражающих общие этноязыковые приоритеты. Так, русский язык в качестве родного указали более 84 % респондентов, русский и татарский – 13.1 %, еще 2.2 % считают родными русский и какой-либо иной язык. При абсолютном преобладании монолингвистической идентификации заметна и доля респондентов, обладающих двойной идентификацией. Очевидно, что билингвистической идентичностью обладают в первую очередь те респонденты, которые, отвечая на вопрос, кем они в большей степени себя ощущают, отметили и более сложные варианты этнической идентификации, такие как: «больше русским и кем-то еще» (17.5 %), а также «русским и кем-то еще» (10.7 %). Из фокус-группы: *«Мне 47 лет, вузовский преподаватель. Я на 80 % русский, на 20 % татарин. Мама татарка, отец русский. Мама из Мензелинского района, сельская интеллигенция. Дед сотрудником Смерша был, бабушка сельской учительницей. Дедушки, бабушки по линии отца – это Муслимовский район, с. Михайловка. Отец – инженер, мама – врач. У меня получилась двойная идентичность. Превалирует русская, но и татарская имеет место быть, потому что институт татарских бабушек очень серьезный, большое влияние на меня оказали»* (мужчина, 47 лет, г. Казань). Оценить характер лингвистических приоритетов позволяет проективный вопрос: «Каким языком, по вашему мнению, должны владеть ваши дети (внуки) в первую очередь?». Исходя из полученных ответов (более 94 % от общего числа принявших участие в исследовании указали русский), очевидно, что русский язык остается в безоговорочном приоритете для респондентов с точки зрения межпоколен-

ных связей, продолжая выступать как потребность на групповом уровне. Для участников глубинных интервью и фокус-групп важным является ощущение своего родного языка как ключевого связующего элемента межпоколенных и родственных связей.

Из интервью: *«Респондент: Я говорю, что это формировалось еще до того, как я могла ответить, что такое родной язык, объяснить. Для меня родной язык – это был язык мамы и папы, бабушки и дедушки, на котором говорит семья»* (женщина, 37 лет, г. Казань).

Вместе с тем вторым по популярности в качестве языка, которым должны владеть дети и внуки респондентов, со значительным перевесом стал английский язык (62.6 % от общего количества участников), в то время как татарский язык указали лишь 17 % респондентов. В разрезе по возрастным группам наибольшая доля респондентов, ориентированных на обучение своих детей английскому языку, отмечается в категории «18–30 лет» (70.6 %), немногим меньшая – в категории «31–50 лет» (67.9 %) и наименьшая – в категории «51 и старше» (48 %). Относительно ориентации на обучение своих детей татарскому языку во всех трех возрастных группах отмечены близкие показатели: 15.5 % – в группе «18–30 лет», по 17.6 % – в двух других. С точки зрения места проживания (город/село) и пола респондентов лингвистические приоритеты демонстрируют следующую зависимость: более ориентированы на обучение английскому языку своих детей жители сельской местности (71.7 %) в сравнении с горожанами (59 %), а также больше женщины в сравнении с мужчинами – 66.4 % против 58.5 %. В случае с татарским языком более высокий интерес демонстрируют горожане (18.9 %), в то время как у сельчан доля планирующих обучать своих детей татарскому языку составляет 12.2 %. Половая принадлежность в обозначенном случае не является определяющим фактором: 16.8 % мужчин и 17.2 % женщин ориентированы на изучение их детьми татарского языка. При этом около 35 % участников опроса отметили, что сами владеют татарским языком в той или иной мере. Сопоставив приведенные выше данные о лингвистических приоритетах респондентов с их ответами на вопрос о сфере занятости (почти 73 % респондентов в группе «18–30 лет» заняты деятельностью, ориентированной на республиканскую экономику: жилищно-коммунальное хозяйство, сельское хозяйство, органы правопорядка и армия, торговля, строительство), а также с отсутствием у подавляющего большинства планов по переезду за пределы Татарстана и России (лишь 6 % молодежи указали, что хотят переехать за пределы страны), можно предположить, что в повседневной коммуникации английский язык абсолютным большинством респондентов, даже самой молодой возрастной группы, не используется и перспективы расширения сферы его применения не очевидны, в отличие от татарского языка, который имеет в Татарстане статус государственного. Некоторые участники фокус-групп отмечали языковой фактор, а именно владение или невладение татарским языком, в качестве критерия при трудоустройстве в некоторых сферах профессиональной деятельности внутри республики.

Таким образом, этнолингвистические приоритеты русского населения, распространяющиеся помимо родного и на другие языки, можно рассматривать как определенный социальный конструкт, получивший в последние десятилетия характер социального стереотипа. При этом степень стереотипизации несколько

различается в различных социальных группах: в частности, подобная стереотипизация имеет более выраженный характер у молодежи, жителей сельской местности и женщин.

Наличие религиозной идентичности подтвердили более 61 % респондентов, в то же время около 37 % отметили, что в целом не считают себя верующими. 93.5 % из тех, кто отнес себя к верующим, считают себя православными. В возрастной группе «18–30 лет» доля тех, кто отметил себя как верующих, составила около 35 %, а как неверующих – более 61 %, в возрастных группах «31–50 лет» и «51 год и старше» доля отнесших себя к верующим была в два и более раз выше. Интересные тенденции были выявлены в ходе бесед с молодыми респондентами в рамках глубинных интервью и фокус-групп: в частности, рассуждая о своем отношении к религии в целом и к православию как религии своих родственников, они не раз озвучивали сюжеты о том, что их религиозная идентичность и связанные с этим практики проходили через фазы личностного скептического переосмысления и даже отрицания, которое приходилось на позднеподростковый период или первые годы обучения вне родительского дома. Из фокус-группы: «Модератор: *Считаете ли вы себя верующим? Почему?* Респондент: *Я крещеная, но не верующая. Раньше я считала себя атеистом. На данный момент думаю, что что-то, возможно, есть. Я не могу этого отрицать, но сама не верю. Родители верующие. Во время праздников в церковь ходят, мы отмечаем и Рождество, и Пасху, и Троицу. Иногда посты держат. Я к этому сейчас отношусь проще, в юношестве был негатив какой-то*» (женщина, 20 лет, г. Казань).

В группах «горожане/сельчане» и «мужчины/женщины» различия также имелись, но не носили значимого характера. С целью пояснить свое отношение к религии респондентам было предложено выбрать наиболее соответствующий их мировосприятию тезис относительно сущности и роли религии в современном мире. Наиболее популярным вариантом ответа стал следующий: «человек сам, полностью осознанно подходит к вопросам веры, выбора религии», набравший 48.9 % голосов респондентов, следующим по популярности стали варианты «человека на путь приобщения к вере наставляют его отец и мать (семья), поскольку религию не выбирают, она передается от поколения к поколению» (его отметили 30.5 % респондентов) и «человек будет неустанно повышать свой уровень образования и культуры и не будет нуждаться в авторитете религии» (12.2 %), остальные варианты, в том числе предложенные самими респондентами, набрали в сумме немногим более 8 %. Исходя из полученных результатов, можно считать, что лишь для трети современных русских жителей Татарстана религия является традицией, передаваемой посредством инкультурации, то есть через семью. Причем в возрастной группе «18–30 лет» обозначенный вариант выбрали всего около 17 % респондентов, в то время как на «личный выбор» религии указали более 57 %, а на вариант, предполагающий отказ от религии по мере повышения образовательного и культурного уровня, – более 18 %. Еще одним фактором амбивалентной религиозной идентичности или отказа от религиозной идентичности в целом является традиционно высокая в республике доля межэтнических браков, дети в которых либо имеют двойную религиозность, имеющую, скорее, этнокультурный окрас, либо сознательно при одобрении родителей выбирают внерелигиозную идентичность.

Из фокус-группы: «Модератор: *Вы соотносите себя с какой-то религиозной традицией? Считаете себя православным или это для молодежи сейчас не актуально?* Респондент: *У нас семья смешанная, дедушка в мечеть ходит. Я не крещеный. Праздники все отмечаем*» (мужчина, 19 лет, г. Елабуга).

В возрастной группе «51 год и старше», напротив, доли тех, кто отдал предпочтение вариантам личного выбора и вовлечения в религию через семью, оказались почти равными – 42 % и 40 % соответственно. Из фокус-группы: «*Я православной себя ощущаю. У меня в голове по-другому быть не может. Я с детства находилась в православии, даже когда все было запрещено. Но для меня осталось, видимо, это наследие рода, что есть старший по роду, тогда был дедушка, говорил – церковь, иконы, важно читать молитвы, просить Бога. Я хожу в церковь. Сейчас раз в месяц*» (женщина, 56 лет, г. Казань). Очевидна корреляция между отношением к сущности и роли религии и возрастом респондента. Таким образом, доля респондентов, рассматривающих религию как часть культурной традиции, составляет менее трети от числа всех принявших участие в исследовании и менее пятой части в группе молодежи. Что касается религиозных практик, то посещающих церковь только по религиозным праздниками насчитывается 31.2 % в общей группе респондентов и 18 % – среди молодежи. Согласно приведенным выше данным, религия чаще рассматривается русскими Татарстана как личностный выбор, который опосредован индивидуальными, а не групповыми потребностями. При этом эксплицитную форму потребности, сопряженную с традицией, реализуют лишь 7 % респондентов: к ним мы отнесли тех, кто посещает церковь (религиозное заведение) не реже одного раза в неделю. Эксперты, вовлеченные в этнокультурную деятельность русского населения республики, отмечают, что в целом можно говорить о постепенном затухании православной религиозности, сопряженной с ритуальными практиками, причем подобные тенденции имеют место не только в среде городской молодежи, но и в сельской местности. В последнем случае это связано с угасанием русского села, начавшемся еще в середине XX в. как следствие усиленной урбанизации, и усилением депопуляционных процессов в постсоветский период, когда они приобрели необратимый характер. Из интервью: «Интервьюер: *Как Вы считаете, у русского населения есть потребность в религиозности, в православной религиозности? Не кажется ли Вам, что она затухает, особенно в городе у молодежи?* Респондент: *Затухает, уходит и не только в городе и не только у молодежи, но и на селе многие уже не ходят в церковь*» (женщина, 37 лет, г. Казань).

Семья и брак в качестве ключевого социального института сохраняют безусловную ценность для половины респондентов, еще 34.4 % скорее согласны с этим. Не считают, что в современном мире семья и брак остаются важной целью для любого человека, 12.5 % респондентов, в том числе 22.9 % в возрастной группе «18–30 лет». То, в какой мере институт семьи и брака имеет этнокультурное наполнение для участников исследования, можно отчасти оценить, сопоставив приведенные выше данные с результатами анализа ответов на вопрос о том, какие формы фиксации брачного союза являются для них предпочтительными. Так, исключительно светскую форму регистрации брака выбрали 61.2 % респондентов, смешанную (включающую как регистрацию в органах ЗАГС, так и религиозный обряд) – 24.9 %, вариант оформления брачных отношений только

по религиозному обряду без регистрации в органах ЗАГС отметили 2.5 %, а еще 8.8 % хотели бы просто просто жить вместе, без какой-либо регистрации отношений. В возрастной группе «18–30 лет» смешанную форму регистрации брака выбрали 15.8 %, только религиозную – 2.5 %, а просто жить вместе без регистрации отношений предпочли бы 16.9 %.

Иными словами, брак как социокультурный институт рассматривает около трети респондентов, а в возрастной группе «18–30 лет» – лишь пятая часть. Эти данные коррелируют с описанными выше ответами респондентов о роли семьи в приобщении к религии. Для большинства современного русского населения Татарстана брак остается потребностью, но имеющей в большей степени общесоциальное значение. Подобное предположение косвенно подтверждается и тем фактом, что почти 70 % респондентов в целом положительно относятся к этнически смешанным бракам, а среди молодежи доля таких ответов составила более 75 %. Из фокус-группы: «Модератор: *Готовы ли вы стать партнером в межэтническом браке?* Респондент: *У меня молодой человек казах. И он мусульманин.* Модератор: *С его родителями знакомились уже?* Респондент: *Да. Я ездила в Казахстан. Для меня это очень сложно. Мне было сложно – другая национальность, другие традиции. Я готова к тому, чтобы это принять, но для меня это сложно»* (женщина, 28 лет, г. Казань).

Роль этнической культуры в качестве социокультурного института для современного русского населения республики позволяют оценить ответы респондентов на вопросы о степени их вовлеченности в событийную повестку, связанную с русской культурой. В целом немногим менее 60 % респондентов отметили, что посещают мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки), из них 7.2 % регулярно и 50.2 % иногда. В то же время треть участников исследования не посещает подобные мероприятия, потому что им это не интересно. В возрастной группе «18–30 лет» доля подобных ответов составила около 42 %. Материалы глубинных интервью и фокус-групп подтверждают результаты массового опроса. Так, у большей части респондентов в отношении условно-обобщенной традиционной культуры сложилось устойчивое убеждение в ее несоответствии запросам широкой массы молодых русских республики. Противоположное мнение, высказанное в ходе бесед, встречалось реже, но у тех, кто придерживался позиции актуальности народной традиции в современной жизни, аргументация была более предметной. Из фокус-группы: «*Например, есть праздник 14 февраля. Но у нас же есть собственный праздник День семьи, Петра и Февроньи. Но мы его не популяризируем. Он же имеет свою историческую ценность, это наш исконно русский праздник. И мне кажется, что, если бы это было немножко по-другому представлено, с уклоном для молодежи, это было бы здорово. Наши праздники формируют правильные ценности. Ценность семьи, хороших отношений»* (женщина, 20 лет, г. Казань).

При этом чуть менее 27 % респондентов по-прежнему хранят в семье какие-либо атрибуты народной культуры. В сумме было указано 367 наименований предметов, которые респонденты рассматривают в качестве элементов народной культуры. Среди наиболее часто называемых: утварь (*посуда, ложки, рушники, ухват* и др.) – 137 упоминаний, одежда (*платье, головные уборы,*

обувь) – 38, иконы – 37, игрушки – 23, самовар – 9. Исходя из приведенных данных, можно предположить, что собственно этническая культура выступает как осознаваемая потребность для не очень большой части русских Татарстана, но при этом в качестве традиции охватывает преобладающую часть представителей территориальной группы. С этим выводом не согласны представители официальной организации русских Татарстана, которые полагают, что в республике не только выстроена эффективная система поддержания этнокультурной традиции местного русского населения, но и происходит пополнение рядов активистов и участников мероприятий за счет молодежи. Поэтому общую этнокультурную ситуацию в республике, по их мнению, можно оценить как достаточно стабильную, без негативного тренда. Из интервью: «Интервьюер: *Есть ли запрос на восстановление, возврат аутентичной культуры, традиций каких-то, праздников? Спрос идет на повышение или на понижение?* Респондент: *Я могу сказать здесь абсолютно искренне, что в Татарстане выстроена система в этом направлении.* Интервьюер: *А людям-то надо это? Самим людям?* Респондент: *Они, может быть, не задумываются о том, есть ли у них запрос. Но как только они туда попадают [на этнокультурные мероприятия], они чувствуют себя счастливыми»* (женщина, 64 года, г. Казань). Подобные процессы отмечены российскими этнографами и в других регионах [7, с. 78]. Ключевую роль в репрезентации примеров традиционной культуры представителям русского населения республики играют профессиональные и полупрофессиональные коллективы, работающие в различных (но чаще – в фольклорном) жанрах. Организационную функцию при этом, как правило, осуществляют некоммерческие организации с помощью субсидий или грантов от государственных учреждений. Таким образом, с учетом активной институализации русской культурной традиции края, проводимой государственными и муниципальными органами, привлечение населения к участию в этнокультурных мероприятиях можно рассматривать как механизм рехабилитации, имеющий конструктивистские черты.

Итак, можно заключить, что такие социальные институты, как язык, религия, семья и брак, а также этническая культура сохраняют свою значимость для большинства представителей русского населения Татарстана. При этом в качестве этнокультурной традиции их рассматривает в целом порядка 60 % опрошенных, а выраженную потребность в их сохранении декларирует около половины этой группы, то есть 30 % от общего числа респондентов. В то же время молодежь все менее склонна оценивать указанные социальные институты в их этническом измерении. Дополнительным фактором, влияющим на процесс этнокультурной трансмиссии, оказывается высокая доля лиц, обладающих амбивалентной этнической идентичностью, предполагающей отождествление себя более чем с одной этнической общностью. Согласно данным исследования, среди опрошенных таковых оказалось около 30 %. Из интервью: «Респондент: *Да, я никогда не скрываю. Если меня спрашивают, то я говорю, что я из Татарстана. Если меня спрашивают, являюсь ли я татаркой, то я говорю, что нет, я русская, но у меня есть татарские корни и мне интересно... Я изучаю русскую культуру, но от татарской я тоже не отворачиваюсь. В принципе, любая народная культура интересна, для того чтобы просто элементарно хотя бы с ней познакомиться,*

узнать какие-то основные позиции в этой культуре. Почему бы и нет?» (женщина, 28 лет, г. Казань).

Подводя общий итог представленного выше анализа роли и места различных форм традиционной культуры в жизни современного русского населения Республики Татарстан, можно отметить различную степень их актуализации в социальных группах, а также констатировать, что отмеченные тенденции повышают роль механизмов социального конструирования по мере ослабления институтов инкультурации, особенно в современном городском пространстве.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Перепись 2002. – Национальный состав населения Республики Татарстан: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 4 / Федер. служба гос. статистики, Комгосстат РТ. Казань, 2004. 131 с.
- Страт. – Указ Президента РФ от 6 дек. 2018 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» (Раздел 1, п. 4.2). Законодательство России: [Сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>, свободный.

Литература

1. *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 549 с.
2. *Richards A.I.* The concept of culture in Malinowski's work // *Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski* / Ed. by R. Firth. London: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 15–32. <https://doi.org/10.4324/9781315014470>.
3. *Шваб К.* Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Эксмо, Бомбора, 2022. 348 с.
4. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2015. 464 с.
5. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 750 с.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
7. *Кириченко О.В.* Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. СПб.: Алетейя, 2020. 958 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Принята к публикации 12.04.2024

Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.162-172

**Cultural Institution in the 21st Century: The Need, Tradition, and Construct
(A Study on the Russian Population in the Republic of Tatarstan)**

V.E. Kozlov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Received February 10, 2024; Accepted April 12, 2024

Abstract

This article examines the conceptualization of the institutional forms of ethno-social daily routines among the modern Russian population of the Republic of Tatarstan. The basic cultural institutions, such as ethnicity, religious identity, family, and ethno-cultural practices, are described. Their role across different groups of the Russian population in Tatarstan is revealed. The analysis is based on a multi-paradigm approach and well-known socio-humanitarian theories (functionalism, phenomenology, and social constructivism). The study “Social well-being and ethno-cultural needs of the Russian population in the Republic of Tatarstan” carried out in autumn 2022 is used as an analytical source of data. The obtained results show that the demand for traditional cultural institutions, which can be categorized as “need,” “tradition,” and “construct,” varies depending on their roles within the study groups. A growing influence of urban spaces in shaping the ethnic “tradition,” particularly among young people, is shown.

Keywords: cultural institution, social institution, need, ethnicity, religious identity, tradition, enculturation, construct

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Malinowski B. *Izbrannoe: Agronavy zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected Writings: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow, ROSSPEN, 2004. GUP IPK Ul'yanovsk. Dom Pechati. 549 p. (In Russian)
2. Richards A.I. The concept of cculture in Malinowski's work. In: Firth R. (Ed.) *Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski*. London, Routledge & Kegan Paul, 1957, pp. 15–32. <https://doi.org/10.4324/9781315014470>.
3. Schwab K. *Kapitalizm vseobshchego blaga. Novaya model' mirovoi ekonomiki* [Stakeholder Capitalism. A Global Economy that Works for Progress, People and Planet]. Moscow, Eksmo, Bombora, 2022. 348 p. (In Russian)
4. Malinowski B. *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected Writings: The Dynamics of Culture Change]. St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2015. 464 p. (In Russian)
5. Goffman E. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Bumagin R.E. et al. (Trans.). Moscow, Inst. Sotsiol. Ross. Akad. Nauk, 2004. 750 p. (In Russian)
6. Berger P.L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Mosk. Filos. Fond, 1995. 322 p. (In Russian)

7. Kirichenko O.V. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Traditsiya. Etnos. Religiya*. [General Problems of Russian People's Ethnography. Tradition Ethnos. Religion]. St. Petersburg, Aleteiya, 2020. 958 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Козлов В.Е. Культурный институт в XXI веке: потребность, традиция, конструкт (по материалам исследования русского населения Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 162–172. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.162-172>. ⟩

⟨ **For citation:** Kozlov V.E. Cultural institution in the 21st century: The need, tradition, and construct (a study on the Russian population in the Republic of Tatarstan). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 162–172. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.162-172>. (In Russian) ⟩